

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

Романова А.П., Бичарова М.М.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru.

Бичарова Мария Михайловна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: valkirija@inbox.ru.

Целью статьи является понятийный анализ проблемы культурной безопасности в российском дискурсе. Основная задача — на основе сравнительного анализа близкой терминологии в английском и российском научном дискурсе (culturalsafety, culturalsecurity, культурная безопасность) систематизировать накопленное знание и унифицировать понятийный аппарат; раскрыть основные характеристики понятия «культурная безопасность» и его операциональный смысл.

Учитывая сложность и дискуссионность проблемы культурной безопасности в отечественной литературе, использование методического инструментария продиктовано конкретными целями и задачами частного направления исследования. Методологической основой данного исследования послужили фреймовый анализ, сравнительный анализ отечественного научного дискурса и философская рефлексия вокруг правомерности применения самого понятия «культурная безопасность».

Если за рубежом есть сложившиеся школы, в том или ином виде анализирующие проблемы культурной безопасности (Копенгагенская и Парижская), то в отечественном научном дискурсе таких сложившихся школ пока нет. В статье показана дискуссионность данной проблемы для отечественного дискурса, связанная с проблемой культурной идентификации российского человека в связи с его промежуточным положением между восточной и западной культурами, проанализированы позитивная и негативная точки зрения как на использование самого термина, так и на анализ культурной ситуации в России в плане культурной безопасности. Авторами дана собственная дефиниция понятия «культурная безопасность», показана его многоплановость, раскрыта его эволюция, намечены основные концептуальные моменты создания российской школы культурной безопасности. Авторы предлагают на основе соединения регионального подхода Копенгагенской школы и фуконианских традиций Парижской школы собственную методологию исследования, основанную на концепте гетеротопии М. Фуко. Анализ особых регионов с точки зрения их гетерогенности, происходящей из поликультурного, особого геополитического и экономического пространств, позволяет расширить методологические рамки исследования и рассмотреть эти пространства в отличие от основных (мейнстримных, гомогенных) пространств. Это дает шанс выявить новые факторы и механизмы культурной динамики, которую ускоряют или замедляют разнообразие факторы (этнические, социальные, политические).

Ключевые слова: культура, культурная безопасность, массовая культура, гетеротопия, культурная идентичность.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ в рамках проекта 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

Введение

«Культурная безопасность» — термин довольно новый и еще до конца не устоявшийся. Это инвариант более устойчивого и разработанного понятия — «безопасность». Практически все представители философской науки от Аристотеля до постмодернистов пытались рассматривать проблему безопасности, прежде всего, потому, что она является базовой, витальной как для отдельного индивида, так и для человечества в целом. В отечественной науке в последнее время появилось немало исследователей, анализирующих различные факторы и виды безопасности (Добренев, Агапов, 2011; Косов, Панин, 2014; Репко, 2012). И хотя сложившихся и признанных в мировом сообществе школ, аналогичных Копенгагенской (Busan, Wæver, 2003) и Парижской (Bigo, 2002; Bouteillet-Paquet, 2003), в российской науке пока нет, можно говорить о вполне сформировавшемся отечественном дискурсе по данной проблематике, который, с нашей точки зрения, носит весьма дискуссионный характер и может служить маркером отношения формирующегося гражданского общества к этой проблеме.

Цель данной статьи — провести понятийный анализ проблемы культурной безопасности в российском дискурсе. Основная задача — на основе сравнительного анализа близкой терминологии в английском и российском научном дискурсе (*culturalsafety*, *culturalsecurity*, культурная безопасность) систематизировать накопленное знание и унифицировать понятийный аппарат; раскрыть основные характеристики понятия «культурная безопасность» и его операциональный смысл, выявить различия в подходах к культурной безопасности в российском научном дискурсе.

Методы и подходы

Базовой методологией исследования культурной безопасности для нас является гетеротопный подход, что позволяет рассмотреть этот концепт как сложный, включающий в себя соотносительные понятия, порой наполненные взаимоисключающим смыслом.

Поскольку цель данной статьи — понятийный анализ концепта культурной безопасности, мы используем комплексную систему методов, в основе которой лежит сравнительная аналитика. Мы анализируем близкие к базовому понятию термины и рассматриваем их использование в отечественном дискурсе. Исследуя отечественный дискурс, мы вычленим основные подходы к интерпретации понятия «культурная безопасность» и границы допустимости его использования.

Для понимания сущности концепта «культурная безопасность» как инварианта «безопасности», на наш взгляд, уместно рассмотреть понятия «безопасность» и родственные ему английские «*safety*» и «*security*» с позиции когнитивной лингвистики.

Концепт как объект лингвокультурологического анализа представляет собой языковую форму, которая отражает структуру человеческого сознания, мышления и познания. Фрейм концепта и его характерные признаки дают нам доступ к когнитивным процессам и механизмам (Goffman, 1974). Понятия «безопасность», «safety» и «security» как объекты исследования когнитивной лингвистики имеют ряд особенностей. Во-первых, они отражают витальные характеристики человеческого бытия, они инвариантны и достаточно масштабны и варьируются от поля значения отдельного слова до картины мира; во-вторых, они характеризуются особой образностью, не имеющей собственных средств языкового выражения. Мы рассматриваем данные концепты как совокупности признаков в результате исследования синонимических рядов, показывающих множественность средств выражения одного и того же содержания, а также посредством описания внутренней формы слова, которая раскрывает отдельный признак объекта и особенности представления о нем, и через определение переносов признаков из одной концептуальной области в другую (Fillmore, 1975).

Методика, используемая нами для описания концепта, строится на выявлении признаков, формирующих его структуру — фрейм. Это позволяет получить информацию об этноспецифике отражения знаний и опыта в языке носителей той или иной культуры. В соответствии с данной методикой исследование проходит в несколько этапов (Пименова, 2001).

1. Изучается этимология слова-имени концепта, рассматривается история значений слова, выявляются мотивирующие признаки концепта.

2. Методом компонентного анализа исследуются словарные дефиниции слова-имени концепта и дефиниции слов синонимического ряда, в результате чего выявляются понятийные признаки.

3. Анализируется метафорическая сочетаемость, в результате которой выявляются образные признаки концепта.

4. На всех этапах исследования выделенные признаки концепта формируются в группы. Такие группы состоят из совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации.

Количественная составляющая тех или иных признаков выявляется посредством изучения количественной представленности той или иной группы признаков в конкретных языковых ситуациях, относящихся к тем или иным сферам человеческой деятельности.

Изучая способы вербализации концептов «безопасность», «safety» и «security» в определенных коммуникативных ситуациях, а также исследуя паремии, отражающие образные признаки концептов, легко убедиться, что данные понятия служат ключевыми концептами в русскоязычном и англоязычном культурных пространствах. Этимологический анализ концепта позволяет вы-

<p>Мотивирующие признаки Без– отсутствие + опасность (осмотрительность, осторожность, опасение, охрана, охранное свидетельство, осторожность, порядочность, старательность) ← пасу, пасти (пасти, запас, спасти, подстергать, наблюдать, стеречь, сторожить) ← родст. пасти, кормить, корм скоту, охранять, питать, вскармливать, украшать,</p>				<p>Понятийные признаки Состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности Личная безопасность, имущественная безопасность, безопасность дорожного движения, безопасность труда, радиационная безопасность, общественная безопасность, коллективная безопасность, международная</p>			
соглядатай; цель (Этимологический словарь)				<p>Ядро Безопасность: отсутствие опасности, надежность, поддержка, гарантия, сохранение жизни и здоровья, сохранение материальных ценностей</p>		безопасность, секьюрити (служба безопасности), безопасность продукции, безопасность товара, пожарная безопасность, экономическая безопасность	
<p>Образные признаки (Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка) Отсутствие страха... Отсутствие чувства угрозы...</p>							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Отсутствие угрозы для человека со стороны другого человека	Отсутствие опасности для человека со стороны окружающей среды (природы, животных)	Отсутствие страха за жизнь, отсутствие боязни смерти	Безопасное место (земля (суша), родина, родная страна, родная культура)	Безопасные условия труда, безопасный инструмент	Уверенность в будущем	Отсутствие угрозы со стороны представителей другой нации, культуры, религии	Безопасность как результат деятельности человека и то, что человек создает сам

Рис. 1. Фреймовая структура концепта «безопасность»

явить мотивирующие признаки, т.е. базовую метафору концепта, обусловившую модель смыслового развития концепта в языке, а анализ словарных дефиниций показывает часть признаковой структуры концепта, которая выявляется путем анализа значений слов — основных репрезентантов концепта.

Безопасность — это необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации, потребность в безопасности возникает практически во всех областях человеческой деятельности. Широкая представленность концепта в различных контекстах, отражающих знания о безопасности, доказывает важность и высокое значение концепта во всех культурах. Результаты этимологического и понятийного исследований, а также ядро и основные элементы структуры изучаемых концептов отражены в рис. 1, 2, 3. Из рис. 1 и 2 понятно, что русское понятие «безопасность» близко по структуре и мотивационным признакам к английскому «security». В пользу этого говорит, во-первых, сложносоставная структура слов, а во-вторых описание мотивирующих признаков. «Безопасность»

<p>Мотивирующие признаки <i>(базовая метафора концепта, обусловившая модель смыслового развития концепта в языке)</i> Состояние защищенности, беззаботности, что-то, что охраняет, сохранность государства, человека и т.д., гарантия ← уверенность, надежность – отсутствие необходимости защиты, отсутствие угрозы, тина, спокойствие, от se- (отсутствие, скрытое) + care озабоченность (забота) ← care – забота, участие, беспокойство, медицинский уход</p>		<p>Понятийные признаки <i>(часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта)</i> Состояние отсутствия страха, за физическое, психологическое, эмоциональное финансовое благополучие Нечто, что защищает Организация или служба, обеспечивающая безопасность (Право) Гарантия выполнения обязательств</p>					
		<p>Ядро Security Благополучие, обеспеченность, обеспечение безопасности; защита; охрана, служба безопасности, чувство защищенности; уверенность; спокойствие</p>					
		<p>(Право) Отсутствие опасения (Финансы) Уверенность в сохранности инвестиций, сбережений (Финансы) Залог Беззаботность; полное спокойствие</p>					
<p>Образные признаки <i>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</i> Охрана, безопасность, риск, защита, укрытие, гвардия, оплот, охранник, полиция безопасности, безопасность окружающей среды, меры безопасности, проверка безопасности</p>							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Охрана, человек, который охраняет	Отсутствие риска	Предотвращение опасности, первичные меры	Безопасность окружающей среды (от антропогенных факторов)	Сохранность, защищенность	Бережливость	Осторожность	Безопасность как результат деятельности человека – то, что человек создает сам

Рис. 2. Фреймовая структура концепта «security»

и «security» — это абстрактные понятия, отражающие чувства, состояние, эмоции человека, в то время как «safety» — это чаще физическое состояние либо местонахождение. Первоначальный смысл безопасности и security — это условие бытия, которое способен создать сам человек, а «safety» — это предмет, создающий такие условия. Вообще для концепта safety больше характерны предметно-функциональные признаки, формирующее ядро из конкретных объектов: «место», «предмет», «инструмент», в то время как безопасность и security формируют ядро с ключевыми понятиями «надежность», «поддержка», «гарантия», «забота», которые определяют дальнейшее их развитие как не вещественных, а абстрактных понятий: «состояние отсутствия угрозы в физическом, психологическом, эмоциональном или финансовом отношении».

Исследование образной национально-специфичной лексики показало низкую представленность концептов в чистом виде, однако широкая репрезентативность их синонимов и антонимов в поговорках (поговорках и афо-

<p>Мотивирующие признаки <i>(базовая метафора концепта, обуславливая модель смыслового развития концепта в языке)</i> Невредимость, сохранность; спасение; благополучие, уверенность, предохранитель ← неврeдимый – неповрежденный, целый, не пострадавший; отсутствие угрозы и страдания, в сохранности, защищенный; под наблюдением; уверенный в защите; в добром здравии; здоровый ← от лат. корня sol- и гр. holos – целый;</p>		<p>Понятийные признаки <i>(часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта)</i> Состояние пребывания в безопасности; уверенности. 'If you push it to the limit, safety is not guaranteed' – “Если нажать это до предела, безопасность не гарантирована” (Механика) Предохранитель, специальный механизм на инструменте или опасном оборудовании, разработанный для предотвращения случайного возгорания 'Be sure that the safety is set before proceeding' – “Удостоверься, что установлен предохранитель, перед началом работы” (Американский футбол) Момент, когда игрока нападения остановили с мячом в своей собственной очковой зоне защитой противника, или когда игрок нападения покинул поле с мячом в руках, находясь в своей очковой зоне (Merriam-Webster)</p>			
<p>невредимый, фр. 14 в. – спасенный, защищенный; оставшийся в живых, не убитый; отсутствие риска; уверенный, надежный, не в опасности; сохраннный, осторожный (Online Etymology)</p>		<p>Ядро Safety Безопасное место, предохранение, предупреждение, защита</p>			
<p>Образные признаки <i>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</i></p> <p>Ремень безопасности, предохранитель, защитный занавес, защитное стекло, лампа безопасности, безопасность матча, подстраховка, офицер безопасности, английская булавка, безопасная бритва, предохранительный клапан, сейф</p>					
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5
Безопасное место	Действия по предотвращению опасности, предохранение	Осторожность	Собственность, ценность	Предмет, обеспечивающий безопасность, предохранитель	Спасение от угрозы, избавление

Рис. 3. Фреймовая структура концепта «safety»

ризмах) позволяет приблизиться к традиционному пониманию безопасности, safety и security.

Доминирование в паремиях переносных образных значений, отправляющих к этническим особенностям, характерным житейским ситуациям и обстоятельствам, отражает языковое воплощение таких значимых для любого народа концептов.

В паремиях, содержащих представления о безопасности как safety выражается народная мудрость о том, как избежать опасности или противостоять ей. Они призывают к осторожности, бдительности, здравому смыслу, раскрывают положительное отношение к безопасности:

Caution is the parent of safety. — Семь раз отмерь, а один отрежь.
Better safe than sorry. — Береженого бог бережет.

Nothing like being on the safe side. — Болен — лечись, аздоров — берегись.

Это, возможно, и объясняет преобладание предметных признаков концепта: для того чтобы сделать свою жизнь безопаснее, необходимо создавать и использовать определенные вещи, предметы, обеспечивающие безопасность. Концепт *safety* чаще всего встречается в сочетании со словами, обозначающими предметы: *safety belt* — ремень безопасности, *safety curtain* — защитный занавес, *safety razor* — безопасная бритва.

Паремии, содержащие синонимы и антонимы концептов «безопасность» и «security», отражают сущность безопасности как состояния, т.е. демонстрации смелости и отваги людей, их стремления к риску:

Care killed a cat. — Забота и кошку уморит.

Care is no cure. — Снявши голову, по волосам не плачут.

What is done, cannot be undone. — Сделанного не воротить.

Концепты «безопасность» и «security» приобретают, таким образом, некую нравственно-оценочную составляющую: безопасность — это не жизненная цель человека ради безопасности физической, а некое эмоционально-психологическое состояние, способное изменяться, формироваться либо регрессировать в процессе социокультурных и психологических изменений состояния личности. Такие ярко выраженные антропоморфные признаки также проявляются в сочетаниях концептов со словами, обозначающими человека или группы людей: *Security Council* — Совет Безопасности ООН, *security guard* — охранник, *security police* — полиция безопасности.

Интересным представляется также изучение частотности употребления изучаемых концептов в конкретных коммуникативных ситуациях, касающихся определенных аспектов человеческой деятельности (рис. 4).

Из рис. 4 видно, что все три концепта чаще всего употребляются в коммуникативных ситуациях, отражающих военную тематику, причем концепт «security» преобладает. В контексте безопасности как таковой, т.е. состояния отсутствия угрозы, защищенности, концепт «safety» практически не представлен, в то время как частотность его употребления возрастает в таких сферах, как «техника», «нефть», «строительство» и «автоматика». Высокая частотность употребления концепта «safety» в указанных предметных областях говорит о преобладании предметных признаков концепта.

Интересно отметить преобладание концепта «security» в тематических сферах «экономика», «банковское дело», «юриспруденция», «деловая лексика», т.е. в сферах деятельности, требующих хороших коммуникативных навыков от тех, кто в этих сферах занят. Это также говорит в пользу преобладания антропоморфных признаков в концепте «security», что делает его близким к русскому концепту безопасности.

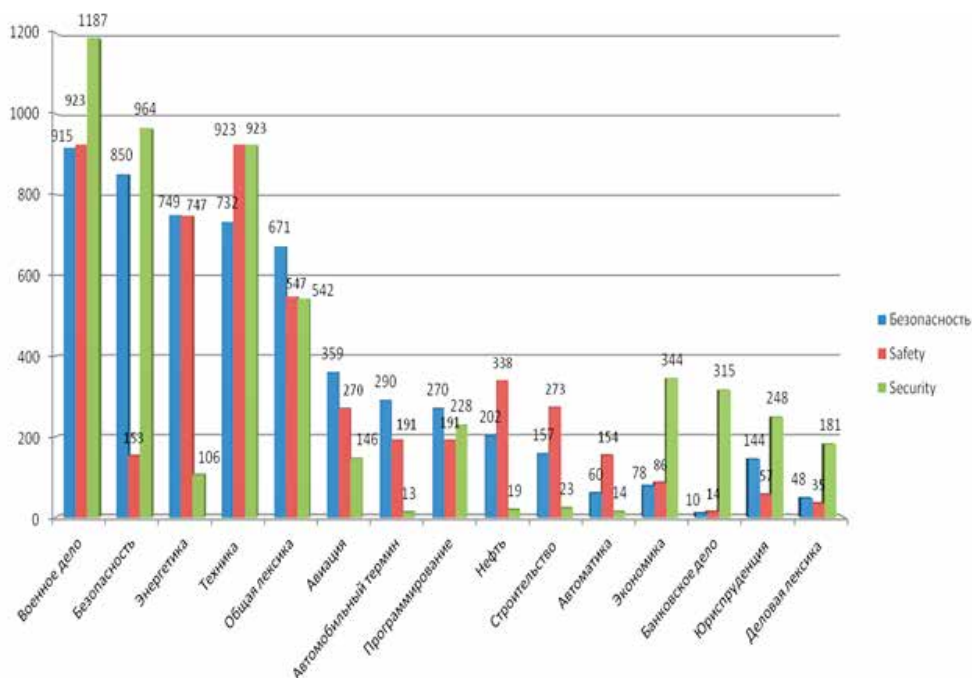

Рис. 4. Частотность употребления различных концептов

«Безопасность» и «культурная безопасность»: понятийный анализ

Проведенный нами фреймовый анализ позволяет выявить внутренние возможности, заложенные семантикой каждого понятия, и общекультурные параллеликонцепта безопасности в русском и английском, несмотря на языковые различия. Анализ общекommunikативного дискурса показывает доминирование военной тематики в его употреблении. В научном дискурсе вплоть до середины XX в. его военно-политический аспект рассматривался чуть ли не как единственный и остается определяющим во многих исследованиях и в настоящее время (Макаренко, Морозов, 2003; Кучерявый, 2010; Добренков, Агапов, 2011). Даже несмотря на то, что в последнее время социальные стороны безопасности становятся объектом пристального внимания и разработки, в отечественном научном и политическом дискурсе государственно-национальная безопасность по сути отождествляется с безопасностью как таковой. Сравнительный анализ различных понятий — безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность — составляет значительную часть отечественного дискурса (Заплатинский, 2006; Ситок, 2008; Демин, 2009; Гарина, 2010; Мусаэлян, 2010; Федотова, Рогов, 2014).

Интересующая нас множественность понятийных смыслов, зачастую базирующихся на разных основаниях, дает широкую возможность для научных

интерпретаций русского понятия «безопасность». В его основе лежит понятие «опасность», вернее ее отсутствие.

Итак, безопасность — это *состояние*: состояние *бытия* без угрозы или вреда (Caldwell, Williams, 2012), состояние *свободного выбора* и *осуществления* группой, общностью, народом, нацией своей стратегии международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития (Яновский, 1999), состояние *устойчивого функционирования и воспроизводства* социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды (Перепелкин, 1999).

Состояние *без опасности* — это прежде всего состояние *защищенности* от целого спектра внутренних и внешних угроз: ядерной атаки, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. (Возжеников, 2008). Именно это зафиксировано в «Законе РФ о безопасности» и в серии энциклопедических статей (Яновский, 2003; Бабосов, 2003). Состояние *без опасности* — это состояние устойчивости как системы в целом, так и отдельного индивида, которая включает в себя «совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости» (Молчановский, 1997).

Однако надо учитывать, что понятие «безопасность» (security), впрочем, как и его альтернатива «небезопасность» (insecurity), представляет собой сугубо социальный конструкт. Само понятие безопасности, несмотря на его очевидность, меняется в зависимости от многих факторов — географических, экономических и др. Безопасность африканца или европейца — не тождественные понятия (Caldwell, Williams, 2012). Они не тождественны по своему содержанию, по формам ее обеспечения, по конкретным ситуациям опасности, которые заставляют нас о ней задуматься. Безопасность африканца будет в той же мере замыкаться на его основные бытийные характеристики, может количественные, но не качественные. К каким-то бытийным проявлениям он будет более незащищенным, чем мы, хотя сам набор угроз будет неизменным.

Безопасность зависит от вызовов и угроз, которые возникают в процессе человеческой жизнедеятельности. С появлением новых угроз, таких как пандемии искусственно выращенных вирусов, террористическая опасность, проблемы в экологической сфере и т.д., меняется и понятие безопасности. Кроме того, формируется серия понятий, связанных с безопасностью и отражающих те или иные ее стороны. Подробно локальные определения безопасности (глобальная или международная безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, социальная безопасность, духовная безопасность и т.д.) проанализированы нами ранее и в данном случае не требуют особого рассмотрения (Романова, Мармилова, 2008).

Таким образом, мы видим, что социальный и общекультурный контексты нашего бытия влияют на наше восприятие безопасности. Более того, с точки зрения представителей копенгагенской школы, необходимо учитывать, что во

многом концепция безопасности определяется тем речевым актом, в котором ее артикулируют (Buzan, Lene, 2008). В зависимости от угроз, перед которыми встает каждое поколение и каждое сообщество, они нуждаются в новой артикуляции и новых смыслах безопасности. Поэтому в ряду многочисленных более узких концептов безопасности особое место начинает занимать концепт «культурная безопасность», сформированный в зарубежном дискурсе к концу XX в.

Поскольку в английском языке употребляются два термина, определяющие безопасность, то соответственно появились и два понятия «cultural safety» и «cultural security». Первый термин возник в процессе работы с аборигенным населением Новой Зеландии и формированием системы медсестринского и акушерского обслуживания, когда стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо знать и учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь.

Согласно проделанному нами фреймовому анализу ядром концепта «safety» является безопасное *место*. Базовый момент в этом концепте — среда, комфортная для людей, в которой отсутствуют угрозы их культурной идентичности и их нуждам (Williams, 1999). Трактовалось это понятие и как деятельность, которая поддерживает эту среду и основана на уважении и доверии к культурной идентичности аборигенных народов (Cultural safety, 2002). В понятие «cultural safety» входило также знание и понимание основ культурного бытия народов, с которыми соприкасались медицинские работники, — «cultural awareness». Таким образом, в основе концепта «cultural safety» лежит идея сохранения культурной целостности, что подтверждается и базовой метафорой концепта — невредимость, сохранность.

Термин «cultural security» отличается от понятия «cultural safety» — имеет более формализованный юридический смысл. Это прежде всего защита, обеспечение, гарантия, охрана. Как показывает фреймовый анализ, именно эти термины служат ядром данного концепта. В процессе обеспечения «cultural security» культурные потребности становятся объектом политических решений, которые должны обеспечить любому гражданину равные права для их удовлетворения.

Чтобы показать на практике различия между этими понятиями и их внутреннюю взаимосвязь, Дж. Коффин (Coffin, 2007) приводит блок примеров, в которых лечащий врач восьмилетнего аборигенного мальчика пытается прокомментировать их значение. Уровень обеспечения «cultural awareness» требует от медицинского работника знания о том, что аборигены имеют довольно разветвленные семьи, каковой является и семья мальчика. На уровне «cultural safety» медицинский работник проявляет заботу о семье и передает указания по лечению мальчика не только его маме, но и родственникам, у которых тот часто проживает. На уровне «cultural security» медработник пишет объяснительную записку по уходу за мальчиком и просит специального сотрудника разъяснить им назначение, заставляет его составлять официальные бумаги, связанные со

здоровьем мальчика, и осуществляет контроль за процедурой. Таким образом, достижение «cultural security» по отношению к аборигенам невозможно без осуществления первых двух стадий. Однако последние годы термин «cultural security» выходит за рамки безопасности локальных этносов (minority), требующих сохранения, и приобретает все более глобальный смысл, особенно в рамках российского дискурса.

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется весьма широко, культура рассматривается не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Более того, здесь возможна некая терминологическая путаница. Существует несколько близких терминов, которые тем не менее имеют специфические характеристики. Так, культурная безопасность, безопасность культуры, и культура безопасности могут носить различную смысловую нагрузку, а могут пониматься и как синонимы. Эти термины в последнее время стали появляться и в публицистике, и в научной литературе, где иногда даже предлагаются варианты его дефиниции, но разграничение понятий до конца так и не проведено.

Однако в настоящее время этот термин прочно вошел в научный оборот и в отечественной науке (Маршак, Сергеев, 2008; Ширяев, 2009; Разлогов, 2008; Разлогов, 2009; Романова, Якушенок, Хлыщева, Топчиев, 2013; Рябченко, 2013; Филимонов, 2010). Он используется для анализа целого ряда проблем: от сохранения культурного наследия и защиты его от фальсификации и уничтожения (Сараф, 2010) до сохранения культурной идентичности в поле постоянно возникающих этнополитических конфликтов (Ширяев, 2009).

Культурная безопасность — термин более широкий и всеобъемлющий. С юридической точки зрения культурная безопасность рассматривается как «состояние защищенности личности, общества, государства и его территорий от внутренних и внешних угроз в вопросах культурного развития, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» (Сазонникова, 2011).

С философской позиции некоторые исследователи, например Ю. В. Фетисова, пытаются уйти от традиционного понимания безопасности как отсутствия опасности. Они акцентируют внимание на процессуальности идеи безопасности, подчеркивая, что данный феномен реально существует только в процессуально-деятельностном аспекте. В этом случае безопасность как таковую предлагается считать «культурным концептом, присущим человеческой культуре на всех этапах ее истории, но вариативным по содержанию, которое производно от культурно-исторических и социокультурных обстоятельств» (Фетисова, 2009).

Часто культурную безопасность дефинируют как «общественную и культурную безопасность» или «социокультурную безопасность», что по сути пробле-

мы не меняет, а вносит терминологический хаос в исследуемую проблематику. Общественную и культурную безопасность определяют как защищенность культурного многообразия меньшинств и защиту общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурного своеобразия), а социокультурную — как благоприятные условия для социально-духовного развития личности.

Попытаемся дать комплексное определение культурной безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А.Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными (Флиер, 1998).

Выводы

В широком разбросе аспектов исследования культурной безопасности в России (информационных, правовых, философских, культурно-досуговых) можно проследить несколько подходов к ее интерпретации и одновременно к статусу и перспективам российской культуры. В основе этих подходов лежат многовариантность дефиниции понятия «культурная безопасность» и извечная проблема традиций и инноваций в культуре как таковой, а понятие культурной безопасности коррелируется именно с признанием или отрицанием инновационного характера современной культуры.

Первый подход характеризуется *критичным* восприятием как самого термина «культурная безопасность», так и перспектив его использования в научном дискурсе. Не оспаривая факт существования термина «культурная безопасность», далеко не все исследователи признают его функциональную необходимость. В данном подходе этот термин имеет отрицательную коннотацию, поскольку сама культурная безопасность понимается как вмешательство в естественное развитие любой культуры политическими или организационными методами. Сторонник такого подхода, известный отечественный культуролог К. Разлогов считает призывы к культурной безопасности по сути попытками законсервировать национальную культуру на уровне лучших образцов прошлого, а это ведет к жесткому отрицанию современной массовой культуры. С его точки зрения, «культура сама по себе консервативна, и она сама себя спасет. Но если

мы не будем думать о развитии, то мы зациклимся. А любая система, ориентированная только на самосохранение, обречена» (Разлогов, 2008).

Сторонники *второго подхода* не только полностью принимают термин «культурная безопасность», но и активно им оперируют. Чаще всего в рамках такого подхода это понятие употребляется по отношению к отечественной культуре, к перспективам ее растворения в западной, в так называемом мас-скульте. Отечественная культура маркируется как православная, основанная на традиционных ценностях. Для сторонников такого подхода любая инновация в культуре связана с опасностью ее дестабилизации и разрушения. Как полагают сторонники данного подхода, в силу этого пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации (Душина, Бокачев, 2011). Собственно эта система именуется «культурной безопасностью».

Сторонники *третьего подхода* предполагают, что главная проблема состоит в двойственности любой национальной культуры. С одной стороны, «национальная культура всегда в той или иной степени открыта для культурного обмена. И как бы она ни была уникальна, самобытна, она постоянно, так или иначе, связана с культурами других народов, с мировой культурой, обогащается сама их ценностями, опытом, идеями, инновациями...». С другой стороны, «культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности» (Маршак, Сергеев, 2008). Сторонники данного подхода считают понятие культурной безопасности функциональным, многоаспектным и отражающим социокультурные возможности общества, направленные как на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы), так и на создание благоприятных условий для культурной жизни общества.

Авторы статьи, активно развивая теорию культурной безопасности в целой серии публикаций (Романова, 2012; Романова, 2013; Романова, Топчиев, 2013; Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013), не рассматривают культурную безопасность как инструмент государственной политики, направленной на искоренение любых инноваций и насильственную консервацию традиционных аспектов любой культуры, в том числе и российской. Мы подходим к культурной безопасности как системе внутренней саморегуляции и стабилизации общества, направленной на ее развитие и сохранение одновременно.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. (2003). *Безопасность. Энциклопедия социологии*. Москва: Книжный Дом.
2. Возжеников, А. В. (2008) и др. *Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России*. Москва: Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации.

3. Волова, Л. А. (2012). Диалог как способ обеспечения социокультурной безопасности российского поликультурного региона (на примере Северного Кавказа). *Научные проблемы гуманитарных исследований*, (2), 255–262.
4. Гарина, О. В. (2010). К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» Российского государства. *Вестник Московского университета МВД России*, (1), 85–86.
5. Даль, В. И. (2001). *Толковый словарь русского языка. Современная версия*. Москва: ЭКСМО-Пресс.
6. Демин, И. В. (2009). Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и национальная безопасность». *Вестник Екатеринбургского института*, (1), 29–30.
7. Добренков, В. И., Агапов, П. В. (2011). *Война и безопасность России в XXI веке*. Москва: Альма Матер.
8. Дорошук, Е. С. (2014). Содержательная характеристика культурной безопасности в контексте проблематики медиаконтента. В Е. С. Дорошук (ред.) *Медиаобразы культуры в современном информационном пространстве: сборник научных статей* (с. 82–91). Казань: Изд-во Казанского ун-та.
9. Душина, Т., Бокачев, И. (2011). Актуализация безопасности духовной культуры Российского общества. *Власть*, (1), 93–96.
10. Заплатинский, В. М. (2006). Терминология науки о безопасности. *Zbornik prispevkov z mednarodnej vedeckej konferencie «Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie»*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi.
11. Кучерявый, М. М. (2010). *Военная безопасность России. Монография*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
12. Макаренко, И. К., Морозов, В. С. (2003). *Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе*. Москва: Изд-во РАГС.
13. Маршак, А. Л., Сергеев, В. В. (2008). *Культурная безопасность московского мегаполиса*. Москва: Серебряные нити.
14. Молчановский, В.Ф. (1997). Безопасность — атрибут социальной системы. В сб. *Анализ систем на пороге 21-го века: теория и практика: материалы международной конференции* (с. 170–177). Москва: Интеллект.
15. Мусаэлян, М. Ф., Мусаэлян, И. Ф. (2010). Понятия «национальная безопасность» и «общественная безопасность» и их соотношение. *Национальная безопасность*, (3), 72–77.
16. Перепелкин, Л. (2000). Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере. *Конфликт — диалог — сотрудничество*, (2), 9–13.
17. Пименова, М. В. (2001). *Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)*. (Докторская диссертация). Санкт-Петербург.
18. Разлогов, К. Э. (2008, 8 Декабря). Культурная опасность. *Компания* (еженедельник). Москва.
19. Разлогов, К. Э. (2010). Российская культура: развитие или безопасность — что важнее? Выступление на Московском форуме культуры (1 июля 2010 г.). *Культурологический журнал*, (2). Режим доступа http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf

20. Романова, А. П. (2012) Культурная безопасность как предмет философских дискуссий. *Гуманитарные исследования*, (4), 255–259.
21. Романова, А. П. (2013). Культурная безопасность и страх перед Чужим. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 228–237.
22. Романова, А.П. Топчиев, М.С. (2013). Трансформация системы культурной безопасности на Юге России через призму взаимоотношений с другим этносом. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, (9), 15–20.
23. Романова, А. П., Мармилова, В.О. (2008). Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 84–94.
24. Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность. Монография*. Москва: РОССПЭН.
25. Рябченко, Н. П. (2013). Проблема культурной безопасности России. *Россия и АТР*, (2), 159–173.
26. Сазонникова, Е. В. (2011). Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 5 (11), 168–170.
27. Сараф, М. Я. (2010). Вопросы защиты безопасности национального культурного пространства. *Ценности и смыслы*, 5 (8).
28. Сипок, Р. Д. (2008). О содержании понятий «безопасность» и «национальная безопасность». *Вестник Российского государственного аграрного заочного университета*, (5), 249–252.
29. Федотова, Ю. Г., Рогов, А. С. (2014). О категориях «конституциональная безопасность» и «национальная безопасность» терминологический анализ. *Государственная служба*, (3), 6–9.
30. Фетисова, Ю. В. (2009). Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности». *Омский научный вестник*, (3), 98–100.
31. Филимонов, Г. Ю. (2010). Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России. *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения*, (3), 61–72.
32. Флиер, А. Я. (1998). Культура как фактор национальной безопасности. *Общественные науки и современность*, (3), 181–187.
33. Ширяев, В. П. (2009). Антиномии культурной безопасности. *Власть*, (10), 98–100.
34. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://etymological.academic.ru/>
35. Яновский, Р. Г. (1999). *Глобальные изменения и социальная безопасность*. Москва.
36. Яновский, Р. Г. (2003). Безопасность. *Глобалистика: энциклопедия* (с. 63). Москва.
37. Bigo, D. (2002). Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives*, 27, 63–92.
38. Bigo, D., Guild, E. (2005). *Controlling Frontiers. Free Movement into and within Europe*. Ashgate: Hants and Burlington.
39. Bouteillet-Paquet, D. (2003). Passing the buck: A critical analysis of the readmission policy implemented by the European Union and its member states. *European Journal of Migration and Law*, 5 (3), 359–377.

40. Buzan, B., Lene Hansen (2008). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
41. Buzan, B., Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Caldwell, D., Williams, R. E. Jr. (2012). *Seeking Security in an Insecure World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers.
43. *Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication* (2003). New York.
44. Coffin, J. (2007). Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security. *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*, 31(3), 22–24.
45. Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <http://www.merriam-webster.com>
46. Online Etymology Dictionary Retrieved from <http://www.etymonline.com/>
47. Williams, R. (1999). Cultural Safety — what does it mean for our work practice? *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 23(2), 213–214.

Статья поступила в редакцию 24.01.2015.

.....

THE PROBLEM OF CULTURAL SECURITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Romanova A.P., Romanova A.P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia,
str. Tatishcheva, 20a. E-mail: aromanova_mail@mail.ru.

Bicharova MariaMihajlovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia,
str. Tatishcheva, 20a. E-mail: valkirija@inbox.ru.

The aim of the research is in conceptual analysis of the problem concerning cultural security in Russian discourse. The main task is to systematize in terms of comparative analysis of close terminology in English and Russian scientific discourses (“cultural safety”, “cultural security”, “safety of culture” “kulturnaya bezopasnost”, “bezopasnost culture”, “kultura bezopasnosti”) the store of knowledge and unify the notional instrument. Besides the main characteristics of the notion “cultural security” and its operational sense are to be revealed.

Taking into account the complexity and contradictoriness of the problem of cultural security the methodology choice is dictated by definite aims and objectives of particular study. The methodology of the present research is comparative analysis of Russian scientific discourse and frame-based interpretation through philosophical introspection on validity of usage of the notion “cultural security” itself.

There are existing Western schools analyzing the problems of cultural security in this or that way such as Copenhagen and Paris ones, however there are no such schools in Russian scientific discourse. The argumentativeness of the given problem for Russian discourse is shown. It is connected with the question of cultural identification of Russian man who is between Eastern and Western cultures. The positive and negative points of view on use of the term itself and analysis of cultural situation in Russia in the frameworks of cultural security are reviewed.

The authors give their own definition of the notion “cultural security”. Its multidimensionality is shown, the evolution is revealed and some general conceptual moments for creation of Russian school of cultural security. The authors suggest their own investigation methodology built upon regional approach of Copenhagen school and Foucault’s traditions of Paris and based on concept of heterotopy of M. Foucault. The study of special regions from the viewpoint of their heterogeneity coming from poly-cultural, peculiar geopolitical and economical

spaces allows to widen the methodological frameworks and look at these spaces in their difference from general (mainstream, homogeneous) ones. It gives a chance to find new factors and mechanisms of cultural dynamics, which is fastened or reduced by many various factors as ethnic, social and politic ones.

Key words: culture, cultural safety, cultural security, mass culture, cultural identity, heterotopy.

References

1. Babosov, E. M. (2003). Bezopasnost' [Safety]. *Enciklopediya sociologii* [Encyclopedia of sociology]. Moscow: Knizhnyj Dom.
2. Bigo, D. & Guild, E. (2005). *Controlling Frontiers. Free Movement into and within Europe*. Ashgate: Hants and Burlington.
3. Bigo, D. (2002). Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives*, 27, 63–92.
4. Bouteillet-Paquet, D. (2003). Passing the buck: A critical analysis of the readmission policy implemented by the European Union and its member states. *European Journal of Migration and Law*, 5 (3), 359–377.
5. Buzan, B. & Lene Hansen (2008). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Buzan, B. & Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Caldwell, D. & Williams, R. E. Jr. (2012). *Seeking Security in an Insecure World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers.
8. *Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication* (2003). New York.
9. Cipok, R. D. (2008). O sodержanii ponyatiy "bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" [About the content of the concepts "safety" and "national security"]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta* [Bulletin of the Russian state agricultural correspondence university], (5), 249–252.
10. Coffin, J. (2007). Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security. *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*, 31(3), 22–24.
11. Dal', V. I. (2001). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of Russian. Modern version]. Moscow: EKSMO-Press.
12. Demin, I. V. (2009). Sushchnost' i sodержanie ponyatiy "bezopasnost'", "obshchestvennaya bezopasnost'" i natsional'naya bezopasnost'" [Essence and content of the concepts "safety", "public safety" and national security"]. *Vestnik Ekaterininskogo institute* [Bulletin of Ekaterininsky institute], (1), 29–30.
13. Dobren'kov, V. I. & Agapov, P. V. (2011). *Voyna i bezopasnost' Rossii v KhKh1 veke* [War and safety of Russia in the XXI century]. Moscow: Al'ma Mater.
14. Doroshchuk, E. S. (2014). Soderzhatel'naya kharakteristika kul'turnoy bezopasnosti v kontekste problematiki mediakontenta [The substantial characteristic of cultural safety in the context of media content perspective]. In E. S. Doroshchuk (red.) *Mediaobrazy kul'tury v sovremennoy informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Media images of culture in modern information space: collection of scientific articles] (pp. 82–91). Kazan: Kazan university Publ.

15. Dushina, T. & Bokachev, I. (2011). Aktualizatsiya bezopasnosti dukhovnoy kul'tury Rossiyskogo obshchestva [Updating of safety of spiritual culture of the Russian society]. *Vlast'* [Power], (1), 93–96.
16. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]. Retrieved from <http://etymological.academic.ru/>
17. Fedotova, Yu. G. & Rogov, A. S. (2014). O kategoriakh "konstitutsional'naya bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" terminologicheskiiy analiz [About the categories "constitutional safety" and "national security" terminological analysis]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service], (3), 6–9.
18. Fetisova, Yu. V. (2009). Bezopasnost' i kul'turnyy kontekst: k obosnovaniyu ponyatiya "kul'tura bezopasnosti" [Safety and cultural context: to justification of the concept "culture of safety"]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk scientific bulletin], (3), 98–100.
19. Filimonov, G. Yu. (2010). Strategiya natsional'noy kul'turnoy bezopasnosti i "myagkaya sila" sovremennoy Rossii [Strategy of national cultural security and "soft force" of modern Russia]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN bulletin. International relations Ser.], (3), 61–72.
20. Flier, A. Ya. (1998). Kul'tura kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Culture as factor of national security]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and present], (3), 181–187.
21. Garina, O. V. (2010). K voprosu o sootnoshenii ponyatii "bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" Rossiyskogo gosudarstva [To a question of a ratio of the concepts "safety" and "national security" of the Russian state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia], (1), 85–86.
22. Kucheryavy, M. M. (2010). *Voennaya bezopasnost' Rossii. Monografiya* [Russia's military security. Monograph]. Ekaterinburg: of the Ural university Publ.
23. Makarenko, I. K. & Morozov, V. S. (2003). *Voennaya bezopasnost' gosudarstva: sushchnost', struktura i puti obespecheniya na sovremennom etape* [Military safety of the state: essence, structure and ways of providing at the present stage]. Moscow: RAGS Publ.
24. Marshak, A. L. & Sergeev, V. V. (2008). *Kul'turnaya bezopasnost' moskovskogo megapolisa* [Cultural safety of the Moscow megalopolis]. Moscow: Serebryanye niti.
25. Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <http://www.merriam-webster.com>
26. Molchanovskiy, V. F. (1997). Bezopasnost' — atribut sotsial'noy sistemy. In *Analiz sistem na poroge 21-go veka: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Safety — attribute of social system. The analysis of systems before 21 centuries: theory and practice: materials of the international conference] (pp. 170–177). Moscow: Intellekt.
27. Musaelyan, M. F. & Musaelyan, I. F. (2010). Ponyatiya "natsional'naya bezopasnost'" i "obshchestvennaya bezopasnost'" i ikh sootnoshenie [Concepts "national safety" and "public safety" and their ratio]. *Natsional'naya bezopasnost'* [National security], (3), 72–77.
28. Online Etymology Dictionary Retrieved from <http://www.etymonline.com/>
29. Perepelkin, L. (2000). Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i problemy bezopasnosti v etnicheskoy sfere [State National Policy and Security Issues in the Ethnic Sphere]. *Konflikt — dialog — sotrudnichestvo* [Conflict — Dialogue — Cooperation], (2), 9–13.

30. Pimenova, M. V. (2001). *Kontsepty vnutrennego mira cheloveka (russko-angliyskie sootvetstviya)* [Concepts of an interior (Russian-English compliances)]. (Doctoral dissertation). St. Petersburg.
31. Razlogov, K. E. (2008, December 8). Kul'turnaya opasnost' [Cultural danger]. *Kompaniya (ezhenedel'nik)* [Company (weekly)]. Moscow.
32. Razlogov, K. E. (2010). Rossiyskaya kul'tura: razvitie ili bezopasnost' — chto vazhnee? Vystuplenie na Moskovskom forume kul'tury (1 iyulya 2010 g.) [Russian culture: development or safety — what it is more important? The report at the Moscow culture forum (on July 1, 2010)]. *Kul'turologicheskiy zhurnal* [Culturological magazine], (2). Retrieved from http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf
33. Romanova, A. P. & Marmilova, V. O. (2008). Kul'turnaya bezopasnost' kak vazhneyshiy faktor natsional'noy bezopasnosti [Cultural safety as the most important factor of national security]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 84–94.
34. Romanova, A. P. & Topchiev, M. S. (2013). Transformatsiya sistemy kul'turnoy bezopasnosti na Yuge Rossii cherez prizmu vzaimootnosheniy s drugim etnosom [Transformation of system of cultural safety in the South of Russia through a prism of relationship with other ethnoses]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd state pedagogical university], (9), 15–20.
35. Romanova, A. P. (2012) Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussiy [Cultural safety as subject of philosophical discussions]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian researches], (4), 255–259.
36. Romanova, A. P. (2013). Kul'turnaya bezopasnost' i strakh pered Chuzhim [Cultural safety and fear of the Stranger]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: policy, economy, culture], (2), 228–237.
37. Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V. & Topchiev, M. S. (2013). *Chuzhoy i kul'turnaya bezopasnost'. Monografiya* [Stranger and cultural safety. Monograph]. Moscow: ROSSPEN.
38. Ryabchenko, N. P. (2013). Problema kul'turnoy bezopasnosti Rossii [Problem of cultural safety of Russia]. *Rossiya i ATR*, (2), 159–173.
39. Saraf, M. Ya. (2010). Voprosy zashchity bezopasnost' natsional'nogo kul'turnogo prostanstva [Questions of protection safety of national cultural space]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 5 (8).
40. Sazonnikova, E. V. (2011). Kul'turnaya bezopasnost' kak vopros pravovoy politiki: ponyatie i sodержание [Cultural safety as question of legal policy: concept and contents]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice], 5 (11), 168–170.
41. Shiryaev, V. P. (2009). Antinomii kul'turnoy bezopasnosti [Antinomy of cultural safety]. *Vlast'* [Power], (10), 98–100.
42. Volova, L. A. (2012). Dialog kak sposob obespecheniya sotsiokul'turnoy bezopasnosti rossiyskogo polikul'turnogo regiona (na primere Severnogo Kavkaza) [Dialogue as a way of ensuring sociocultural safety of the Russian polycultural region (on the example of the North Caucasus)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian researches], (2), 255–262.

43. Vozzhenikov, A. V. (2008) & etc. *Global'nye vyzovy, ugrozy i opasnosti sovremennosti. Prioritety politiki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Global challenges, threats and dangers of the present. Priorities of policy of ensuring national security of Russia]. Moscow: Publ. of the Russian academy of public service at the President of the Russian Federation.
44. Williams, R. (1999). Cultural Safety — what does it mean for our work practice? *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 23(2), 213–214.
45. Yanovskiy, R. G. (1999). *Global'nye izmeneniya i sotsial'naya bezopasnost'* [Global changes and social safety]. Moscow.
46. Yanovskiy, R. G. (2003). Bezopasnost' [Safety]. *Globalistika: entsiklopediya* [Global studies: encyclopedia] (p. 63). Moscow.
47. Zaplatinskij, V. M. (2006). Terminologiya nauki o bezopasnosti [Terminology of science of safety]. *Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie "Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie"*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi.